

Задворная Елена Геннадиевна
доктор филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: egz0201@gmail.com

Пурмале Диана Александровна
выпускник
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: dorohehedoro@gmail.com

Yelena Gennadievna Zadvornaya
Dr of Sc. (Philology)
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: egz0201@gmail.com

Diana Alexandrovna Purmale
Graduate
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: dorohehedoro@gmail.com

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ УСЛОВИЯХ

Работа посвящена рассмотрению вариантов реализации лингвопрагматической категории дистанцирования. На материале разговорного, художественного и научного дискурсов показана специфика конфигураций таких вариантов, обусловленная дискурсивными условиями.

Ключевые слова: дистанцирование; говорящий; слушающий; авторство; содержание сообщения; ответственность; дискурс.

DISTANCING CATEGORY: SPECIFICS OF REALIZATION IN VARIOUS DISCOURSE SETTINGS

The paper is devoted to distancing as and pragmalinguistic category and examines possible variants of its realization. The research is based on the material of colloquial, literary, and scientific discourse and demonstrates specific configurations of such variants determined by discourse settings.

Key words: distancing; speaker; listener; authorship; message content; responsibility; discourse.

Лингвопрагматическая категория дистанцирования интерпретируется в современных исследованиях весьма вариативно, что обусловлено как ее сложностью и многоплановостью, так и разнообразием используемых по отношению к ней исследовательских подходов. Можно согласиться с Е. С. Кулаковой, которая полагает, что все эти подходы целесообразно объединить в рамках двух основных позиций, предполагающих трактовку дистанцирования либо как отстранение от собеседника и / или ситуации общения, либо как снятие с себя ответственности за сообщаемое [1].

При этом каждый из этих подходов позволяет – с учетом как классических работ [2; 3; 4], так и более поздних исследований, в которых высказанные ранее идеи и положения получили глубокое и содержательное развитие [5; 6; 7; 8 и

др.], – в несколько обобщенном виде выделить следующие варианты воплощения обсуждаемого феномена.

Дистанцирование-1 (от собеседника и / или ситуации) включает три разновидности.

1А. Дистанцирование, понимаемое вслед за П. Браун и С. Левинсоном (в рамках концепции негативной вежливости, в свою очередь восходящей к идеям И. Гоффмана) как отсутствие коммуникативного давления и уважение к границам личного пространства собеседника:

(1) – *Простите, что беспокою вас, Борис Иванович! – сказала я, выходя в полосу света. – Я студентка. Работаю по изучению здешнего края. Очень бы хотела побеседовать с вами, если у вас есть время.* [Н. И. Гаген-Торн. Мемория (1936-1979)] (здесь и далее иллюстративный материал приводится преимущественно по Национальному корпусу русского языка (ruscorpora.ru)).

1Б. Дистанцирование в смысле Г. Джайлса, см. концепцию коммуникативной адаптации, в рамках которой выделяется так называемая дивергентная адаптация [4], ориентированная на акцентирование существующих между говорящим и слушающим различий в статусе, компетентности, авторитетности и под.:

(2) – *Ну, как твое мнение?*

Чернаков, успевший под рассказ Мурашова измерить давление и осмотреть больную, пожал плечами:

– *Тебе виднее, ты ведь дирижер, а я тапер. С моей позиции, состояние пока стабильное. Давление держит. Пока.* [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)];

(3) – *Допуская мысль, что человечество все чаще будет посещать нашу, так сказать, соседку по космосу, можно допустить также, что в один прекрасный момент разумные существа не выдержат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы, чтобы понять друг друга?*

– *Вы кого спрашиваете?*

– *Вас, мыслителей...*

– *А вы готовы?*

– *Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но если вам это интересно, могу поделиться, в каком направлении мы, провинциалы, думаем.* (В. М. Шукшин. Срезал).

1В. Дистанцирование, интерпретируемое как некооперативное речевое поведение, которое, в частности, реализуется в форме демонстративно-конфронтационного отказа от коммуникации:

(4) *В другое время он начал бы лгать и изворачиваться, но сейчас нервы были слишком обнажены, внутри все горело.*

– *Оставь меня, – выдохнул он. – Да, так отдыхал! Отвяжись от меня, слышишь!* [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)].

Необходимо подчеркнуть, что три выделенные разновидности дистанцирования-1 не всегда надежно дифференцируются: так, например, дивергентная адаптация (1Б) может носить как кооперативный, так и некооперативный ха-

раक्टर, в первом случае сближаясь, соответственно, с негативной вежливостью (1А), а во втором – с агрессивно-конфликтным речевым поведением (1В); см. также контекст 3, который может быть интерпретирован как реализующий дивергентную адаптацию в комплексе с имплицитной конфликтностью.

Дистанцирование-2 также неоднородно и включает ряд разновидностей.

2А. Дистанцирование только от авторства транслируемых сведений, но не от содержания передаваемого сообщения.

Отметим, что данная разновидность исключается некоторыми исследователями из круга контекстов, реализующих категорию дистанцирования (такую точку зрения высказывает, в частности, А. В. Кулешова [6]). Представляется, что интенция дистанцирования как отказа от авторства сообщаемых сведений / оценок / интерпретаций, в контекстах данного типа все же присутствует, ср.:

(5) – *Ты говорил, что в пятидесятые годы музей переживал не лучшие времена. Тогда пропали какие-то работы?*

– *Это не я говорил, это Анна Львовна рассказывала, – сказал Саша, подумав. – Работы во время войны пропали, а в пятидесятые их стали возвращать! Музей долго восстанавливали!* (Т. В. Устинова. Чудны дела твои, Господи!).

2Б. Дистанцирование только от содержания высказывания (но не от авторства), реализуемое при помощи индикаторов эпистемического значения мнения-предположения:

(6) *«Поэт пост-революционного катарсиса». Это верно лишь в отношении текстов поэта, опубликованных литературными журналами. В книгу же вошли и другие стихи. Не уверен, но подозреваю: автор был бы не прочь их напечатать в периодических изданиях, однако, редакторы эти стихи отвергли.* [Андрей Пермяков. Мастер йода // «Волга», 2013].

2В. Дистанцирование как от авторства, так и от содержания транслируемого сообщения:

(7) *Крупинки аэролита считались положительно универсальным лекарством. Распространились нелепые слухи о «чудесном исцелении», требования на «христов камень» усилились; счастливый владелец метеорита пользовался случаем и продавал камешек чуть не на вес золота, выказывая при этом слабости настоящего завязтого аптекаря.* [Алмаз // «Химия и жизнь», 1965].

Здесь также возможны промежуточные случаи, когда говорящий дистанцируется от авторства, но сохраняет нейтральность по отношению к содержанию сообщения, ср. вариант, когда использование дистанцирования оказывается для адресанта способом ввести в дискурс неприятную / нежелательную для собеседника информацию, при этом не обременяя себя принятием ответственности за нее, хотя, скорее всего, говорящий с передаваемым мнением согласен (иными словами, контекст сложно идентифицировать однозначно: он допускает интерпретацию и в смысле 2А, и в смысле 2В):

(8) – *Ну смотри, я тебя предупредил, – равнодушно протянул Клетчатый, – как бы потом худо не было. Да, кстати, это, конечно, не мое дело, но в народе ходят слухи, что это ты Колотога убрал.*

– *А тебе-то что за дело?*

– *Я тебе не судья, а только многим это может не понравиться. Сам знаешь, кто на вора руку поднимает, тот долго не живет.* [Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)].

Кроме того, отдельного обсуждения заслуживает и такая разновидность обсуждаемой категории, как рефлексивное дистанцирование, т. е. дистанцирование говорящего от самого себя. В определенном смысле рефлексивность можно усмотреть в варианте 2Б, где говорящий фиксирует неуверенность в истинности (точности, обоснованности) сообщаемой информации или высказываемого мнения, – но в таких случаях речь идет все же о дистанцировании от информации, пусть и сообщаемой самим адресантом. Применительно к рефлексивному варианту дистанцирования имеется в виду некоторое отстранение от собственной личности, которое наиболее эксплицитно выделяется во французской традиции исследования категорий субъектности, авторства и дистанцирования, в частности в работах О. Дюкро и Ж. Женетта (см. подробнее в [1]). Данный вариант дистанцирования предполагает отдаление / отделение говорящего от собственного опыта, создание некоей границы между собой и сказанным, «абстрагирование» от самого себя.

Одним из наиболее интересных и важных аспектов анализа категории дистанцирования является дискурсивный ракурс ее рассмотрения: очевидно, что любой языковой или речевой феномен способен демонстрировать существенные модификации, определяемые дискурсивной системой координат, в рамках которой он реализуется. Этот постулат актуален и по отношению к дистанцированию, особенно с учетом того обстоятельства, что, насколько нам известно, на настоящий момент наблюдается тенденция интерпретации обсуждаемой категории в пределах одной дискурсивной сферы (повседневного общения [5], художественного дискурса [6], газетных текстов [7] и др.).

Наиболее широкий диапазон вариантов дистанцирования представлен в разговорном дискурсе (см. примеры выше). В данной дискурсивной сфере нет каких-либо факторов (кроме, разумеется, ситуативных), которые могли бы заблокировать реализацию перечисленных выше вариантов реализации данной категории, т. е. препятствовали бы использованию говорящим каких-либо типов моделирования дистанции между собой и адресатом, собой и транслируемой информацией, наконец, различными позициями / ипостасями самого себя.

Совершенно иная картина наблюдается в художественном дискурсе (понятно, что речь не идет о художественном диалоге, который протекает в рамках вектора «персонаж – персонаж» и имеет применительно к обсуждаемой категории те же характеристики, что и реальное диалогическое взаимодействие). Здесь, на наш взгляд, наиболее релевантны два варианта дистанцирования. Во-первых, это рефлексивный вариант, реализующийся в феномене дистанцирования автора от повествователя (ср. выделение таких вариантов, как «ненадежный», «каверзный», «ограниченный» рассказчик [9, с. 216]). По-видимому, как разновидность рефлексивного дистанцирования может рассматриваться и «отчуждение» автора «от главного объекта повествования и от описываемых событий» [6, с. 6]. Во-вторых, это феномен дистанцирования на уровне «автор – читатель», что особенно характерно для постмодернистских, игровых стратегий

моделирования взаимоотношений с читателем, предполагающих построение сложных систем загадок, ложных ключей, изысканных и неоднозначно интерпретируемых аллюзий, обманутых ожиданий, открытых финалов и подобных приемов (такая игра может быть рассматриваться как дискурсивно специфичный вариант дивергентной адаптации).

Что же касается институциональных типов дискурса, то здесь конфигурация реализуемых разновидностей дистанцирования определяется, во-первых, общими прагматическими установками дискурса, а во-вторых, жанровыми характеристиками текстов. Так, например, в диалогических жанрах научного дискурса возможны практически все перечисленные выше разновидности дистанцирования – за исключением разновидности 1В, что обусловлено воздействием глобальной целеустановки научного дискурса, а именно ориентированностью его субъектов на совместный и кооперативный поиск истины. Впрочем, и такой вариант в случае резкого обострений противоречий между участниками дискуссии и повышении «градуса» полемического накала тоже возможен, хотя и носит характер редкой девиации (см. фрагмент дискуссии, состоявшейся в ходе обсуждения открытой лекции М. Дзюбенко «Актуальность Тургенева»):

(9) – ...Там, где речь шла о разного рода интертекстуальных связях и о том, что это нам дает в понимании текстов, в данном случае – текстов Тургенева, там было понятно. А вот классификация душевных и духовных героев, признаться, вызывает большие вопросы. Можете ли вы разделить представителей светской русской литературы: кто из них специализировался на героях душевных, кто – на героях духовных?

– Что значит «специализировался»? Советская литература – она по определению описывает внешнего человека. Она же не может описывать исключительно духовный опыт. В этом – ее известная ограниченность. В математике есть область значений и область определения, так вот это – область определения. Я никакими классификациями заниматься не буду и на этот вопрос, поставленный в такой, немного комичной форме, отвечать не стану.

В то же время в монологических письменных жанрах научного дискурса востребован только второй тип дистанцирования (ссылки на авторов идей, концепций, суждений; использование некатегоричных утверждений; критическое обсуждение идей, с которыми адресант не согласен). При этом конфигурация частных разновидностей данного типа может существенно различаться в зависимости от конкретных жанров: например, если в обзорной статье с высокой степенью вероятности будет доминировать разновидность 2А, то в оценочных жанрах – рецензии, отзыве, экспертном заключении – на первый план, как правило, выходит вариант 2Б.

Таким образом, дистанцирование, реализуясь в различных дискурсивных условиях, демонстрирует существенные отличия в конфигурации своих разновидностей, что обуславливает важность дальнейшего исследования данной категории в дискурсивном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулакова Е. С. Дистанцирование как объект языкознания // *Lingua mobilis*. 2014. № 2 (48). С. 60–62.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : АСТ, 2024. 448 с.
3. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 17th ed. Cambridge, 1987. 345 p.
4. Giles H., Coupland N., Coupland J. Accomodation theory: Communication, context, and consequence // *Contexts of accommodation: Developments in applied sociolinguistics*. Cambridge, 1991. P. 1–68.
5. Глушак В. М. Речевое поведение коммуникантов в ситуациях повседневного общения. Новосибирск : ЦРНС, 2009. 165 с.
6. Кудачинова, Ч. В. Коммуникативная стратегия дистанцирования в авторском построении текста (на материале романа К. Манна «Мефистофель. История одной карьеры») : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 192 с.
7. Кулешова, А. В. Лингвопрагматическая категория дистанцирования (на материале французской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. М., 2008. 23 с.
8. Ладонина, Н. А. Реализация стратегии негативной вежливости в современном политическом дискурсе (на примере выступлений Б. Джонсона и Д. Корбина) // *Современные исследования социальных проблем*. 2020. Т. 12, № 1. С. 123–134.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.